
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINALLY-REMEDIAL MEASURES OF CRIME FIGHTING

УДК 343.1

DOI [10.17150/1996-7756.2014.8\(4\).114-124](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2014.8(4).114-124)

ПРЕДПОСЫЛКИ ВНЕДРЕНИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ)

Н.В. Софийчук, А.Т. Валеев

*Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

18 сентября 2014 г.

Дата принятия в печать

12 ноября 2014 г.

Дата онлайн-размещения

29 декабря 2014 г.

Ключевые слова

Медиа́ция; имплементация
института медиа́ции; медиатор;
разрешение конфликта;
восстановительное правосудие;
примирительные процедуры;
медиа́ция в уголовном процессе

Финансирование

Проект № 2.5.1.3 Программы
стратегического развития
Московского государственного
юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация. Основной идеей статьи является парадигма изменения не только отдельных процедур уголовного судопроизводства, но и способа реагирования на преступление, а также представления о преступнике, потерпевшем и восстановительном правосудии. В статье проведен анализ некоторых институтов уголовно-процессуального права, которые могли бы стать основой для имплементации процедуры медиации в уголовное судопроизводство России. Авторы, исходя из концепции восстановительного правосудия, поддерживают мнение ученых, проводящих в жизнь идею о повышении эффективности уголовного процесса путем медиации. Вместе с тем они считают необоснованным мнение об ограничении внедрения процедуры медиации в уголовный процесс Российской Федерации лишь институтом примирения виновного с потерпевшим — физическим лицом. В контексте рассмотренной проблемы высказаны предложения о наиболее эффективных способах осуществления восстановительного правосудия путем медиации, внедрение которых в отдельные положения уголовно-процессуального законодательства представляется авторам обоснованным и необходимым. Положительный эффект, по мнению авторов, может дать имплементация механизма медиации в следующие институты уголовно-процессуального и уголовного права Российской Федерации: прекращения уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести в связи с примирением сторон; прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием; смягчения виновному наказания в связи с примирением или деятельным раскаянием; частично в институт прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности при возмещении ущерба, причиненного данным преступлением; а также институты освобождения судом несовершеннолетнего подсудимого от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия и досудебного соглашения о сотрудничестве.

PREREQUISITES THE IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTE OF MEDIATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIAN FEDERATION (CRIMINOLOGICAL AND PROCEDURAL ASPECTS)

Sofiichuk, Natalia V., Valeev, Artem T.

*The North-West Institute (affiliate) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Vologda, Russian Federation*

Article info

Received

2014 September 18

Accepted

2014 November 12

Available online

2014 December 29

Abstract. The main idea of the article is a paradigm change in some procedures of criminal justice and a way of responding to the crime, as well as ideas about the offenders, victims and restorative justice. The article analyzes some of the criminal procedural law institutions, which could form the basis for the implementation of the mediation procedure in criminal proceedings in Russia. Based on the concept of restorative justice the authors support the opinion of scientists conducting the idea of enhancing the effectiveness of the criminal process through mediation. The authors consider unreasonable the opinion on limiting the introduction of mediation procedure to the criminal process of the Russian Federation only by reconciliation of the guilty with the victim — individual. In the context of the problem the authors

Key words

Mediation; the implementation of the institution of mediation; the mediator; conflict resolution; restorative justice; conciliation procedures; mediation in criminal proceedings

Financing

The article is prepared in the framework of the project of Strategic development program No. 2.5.1.3 of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

made suggestions on most effective ways to implement restorative justice through mediation, introduction of which to the certain provisions of the criminal procedural law seems reasonable and necessary to authors. According to the authors the implementation of mediation mechanism in the following institutions of criminal procedure and criminal law of the Russian Federation can give positive effect: the termination of criminal proceedings on the crime of minor or moderate severity in relation to the reconciliation of the parties; termination of criminal prosecution in connection with active repentance; partly the termination of criminal prosecution in cases involving crimes in the sphere of economic activity in case of compensation for damages caused by this crime; as well as institutions of liberation from punishment of juvenile defendant with application of compulsory educational measures and pre-trial agreement on cooperation.

Медиация является новым феноменом российской правовой культуры. Россия, вступив в Совет Европы, приняла на себя целый ряд обязательств, в том числе по облегчению доступа к правосудию. Так, Добавления к Рекомендации № R(81)7, принятые Комитетом министров ЕС 14 мая 1981 г., предписывают «упростить, ускорить, удешевить судебное разбирательство по гражданским, торговым, административным, социальным или налоговым делам», а также «облегчить или упростить, где это уместно, примирение сторон или дружественное урегулирование спора до принятия его к производству или же в ходе разбирательства». Вместе с тем необходимость внедрения данного института в уголовное судопроизводство в России все еще активно обсуждается в научных кругах [10, с. 207].

Криминологические исследования показывают, что преступность в ее традиционном понимании продолжает расти быстрее, чем численность населения, мгновенно заполняя неконтролируемые или слабо контролируемые правом ниши. Общество попало в «криминальный капкан», реальным выходом из которого может быть только ювелирная гармонизация социально-правового контроля и строжайшего соблюдения фундаментальных прав человека, эффективности борьбы с интенсивно растущей преступностью и гуманности этой борьбы [11, с. 1].

Современная уголовная политика по-прежнему носит преимущественно карательный характер, что, с одной стороны, существенно усложняет процесс последующей реинтеграции в общество лиц, совершивших преступление, а с другой стороны, не обеспечивает жертве возможности полностью восстановиться от последствий преступления. Данная ситуация вынуждает криминологов, специалистов в области уголовного и уголовно-процессуального права искать

способы повышения эффективности уголовной политики в сфере борьбы с преступностью.

Положения уголовно-процессуального законодательства — одна из важнейших составляющих современной уголовной политики в целом [5, гл. 3]. Интересным механизмом, способным одновременно решить несколько задач: повысить эффективность судопроизводства, гуманизировать уголовную политику, снизить затраты на обслуживание системы уголовного преследования и исполнения уголовных наказаний, — могут стать альтернативные процедуры с одновременным усилением диспозитивных начал в уголовном процессе. Т. Маршал определяет восстановительное правосудие как подход к преступлению, ориентированный на разрешение проблемы, в которое вовлекаются сами стороны и общество в целом при активном участии государственных учреждений. По его мнению, это не особый вид деятельности, но набор принципов, которые позволяют ориентировать общую деятельность любого органа или группы в отношении преступления [17, р. 5].

Похожую точку зрения занимают и российские исследователи. В частности, Л.М. Карнозова указывает, что восстановительное правосудие не представляет собой ни особую юрисдикцию, ни отрасль права, ни «особое производство». Это направление развития уголовного правосудия [15, с. 517].

Базовые идеи теории восстановительного правосудия изложены в исследованиях Д.У. ван Несса, Г. Джонстона [16, р. 5–23], Х. Зера [20, р. 6–44]. Основные позиции данной теории современные ученые формулируют в следующих положениях:

1) преступление — это, во-первых, конфликт между индивидами, в результате которого вред причиняется пострадавшим, обществу и самим

правонарушителям, и, во-вторых, нарушение закона;

2) важной целью уголовного процесса является примирение сторон, которое сопровождается возмещением вреда, причиненного преступлением;

3) уголовный процесс должен способствовать активному привлечению к нему потерпевших, правонарушителей и представителей общества [18, р. 3–19].

Анализ указанных положений позволяет выделить различия теории восстановительного правосудия и традиционного уголовного процесса и дать собственную оценку данной теории.

Думается, что первое из положений теории восстановительного правосудия далеко не бесспорно. В традиционном понимании преступление представляет собой в первую очередь конфликт между преступником и государством, поскольку борьба с преступностью является прежде всего публичным интересом. Именно общественная опасность деяния позволяет отграничить преступление от гражданско-правовых или административных деликтов. Кроме этого, значительная часть преступлений не имеет конкретного потерпевшего и направлена против интересов государства в целом. Представляется, что в этой ситуации рассматривать преступление преимущественно как конфликт между индивидами будет некорректно. Также необходимо отметить, что реализация данного положения в законодательстве может привести к игнорированию принципа публичности [4, с. 36]. Если преступление считать конфликтом между индивидами, то вполне логичным будет выглядеть предположение, что инициация уголовного преследования лица, совершившего преступление, является прерогативой второй стороны конфликта, а не государства. Полагаем, что законодательное закрепление данной точки зрения может иметь существенные негативные последствия.

Относительно второго и третьего положений концепции восстановительного правосудия необходимо отметить, что они носят разумный и прогрессивный характер, направленный на достижение цели уголовного судопроизводства. Представляется, что данные положения не противопоставляются традиционной системе судопроизводства по уголовным делам, а скорее дополняют ее. В этой связи считаем обоснованным

их имплементацию в систему судопроизводства по уголовным делам и разделяем точку зрения о том, что внедрение в уголовный процесс медиационных начал сможет помочь уголовному судопроизводству выполнить недостающую ему сейчас воспитательно-стимулирующую функцию [14, с. 323].

В этой связи актуализируется вопрос о том, в рамках каких уголовных дел и каких институтов уголовного и уголовно-процессуального права возможно внедрение медиации. Большинство авторов говорят о медиации лишь применительно к институту примирения виновного с потерпевшим — физическим лицом. А.А. Арутюнян считает, что наличие потерпевшего — физического лица является обязательным признаком уголовного дела, по которому возможно применение медиации: «В первую очередь медиация не может быть применена по делам, в которых отсутствует потерпевший, или если потерпевшим является юридическое лицо. Это связано с самой природой процедуры медиации, которая направлена на примирение сторон, разрешение конфликтной ситуации между индивидами. То есть медиация не может иметь место, если потерпевшая сторона не является физическим лицом» [3, с. 98].

Считаем возможным оспорить данную точку зрения и поставить вопрос о возможности применения механизмов медиации по уголовным делам и в других случаях. Медиация является альтернативной процедурой урегулирования споров с участием посредника. Традиционными ее участниками являются хозяйствующие субъекты в рамках разрешения экономических споров, т.е. различные организации. Поэтому утверждение о том, что сама природа медиации направлена на разрешение конфликтов только между физическими лицами, представляется нам ошибочным. Необходимо указать, что за примирение с потерпевшим могут быть прекращены не только дела, по которым объектом посяательства является жизнь, здоровье или имущество физического лица, но и дела, по которым посятельство осуществлено на имущественные права и интересы юридического лица [8, с. 204–205]. Таким образом, процедура примирения возможна не только между виновным и физическим лицом, но и между виновным и юридическим лицом.

Кроме того, действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность прекращения уго-

ловного дела о преступлении небольшой или средней тяжести в связи с деятельным раскаянием и возмещением ущерба в полном объеме (по соответствующим видам преступлений, где потерпевший как физическое лицо отсутствует). Конечно, с точки зрения российского уголовного права эти процедуры предназначены для реализации деятельного раскаяния, а не примирения, но принципиального значения в данном контексте это не имеет. В этой связи мы полностью поддерживаем мнение Н.Н. Апостоловой, объединяющее по сути и содержанию две разновидности альтернативных форм разрешения уголовно-правового конфликта: примирительные процедуры при наличии потерпевшего в уголовном деле и всевозможные формы условного прекращения (отказа) уголовного преследования (дела), если в уголовном деле потерпевший отсутствует [2, с. 6].

Еще одним важным вопросом, требующим разрешения, является вопрос о круге дел, по которым может быть предусмотрено проведение медиации.

А.В. Смирнов предлагает распространить медиацию на «экскузивные» преступления (от лат. *excuso* — извинять, освобождать), под которыми понимаются те преступления, которые становятся таковыми в силу соответствующего восприятия их потерпевшим: преступления сексуального характера, некоторые преступления против личности, чести, достоинства и деловой репутации, преступления против собственности [7, с. 114–115]. Аналогичной точки зрения придерживаются и другие исследователи [14, с. 330]. По нашему мнению, без возражений можно принять мнение А.А. Арутюнян, считающей «недопустимым применение медиации в отношении деяний, которые повлекли особо тяжкие последствия в виде смерти лица, поскольку в данном случае говорить о соразмерном возмещении вреда довольно сложно» [3, с. 98].

Изучение мировой практики показало, что наиболее часто медиация применяется по делам о преступлениях против собственности, а также по преступлениям небольшой или средней тяжести, затрагивающим личные права и интересы граждан. Поэтому положительный эффект, как нам кажется, может дать имплементация механизма медиации в следующие институты уголовно-процессуального и уголовного права Российской Федерации:

– институт прекращения уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести в связи с примирением сторон;

– институт прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием;

– институт смягчения виновному наказания в связи с примирением или деятельным раскаянием;

– частично, с определенными оговорками, которые будут рассмотрены нами позднее, институт прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности при возмещении ущерба, причиненного данным преступлением;

– институт освобождения судом несовершеннолетнего подсудимого от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия;

– институт досудебного соглашения о сотрудничестве (при условии внесения соответствующих изменений в правовую регламентацию данного института).

Считаем необходимым более подробно остановиться на указанных институтах уголовно-процессуального и уголовного права и возможных формах использования медиации при их реализации.

Очевидно, что внедрение механизмов медиации наиболее подходит для реализации институтов уголовного и уголовно-процессуального права, связанных с примирением лица, совершившего преступление, с потерпевшим.

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает три возможных юридических последствия примирения сторон в уголовном судопроизводстве: 1) безусловное основание для прекращения уголовного дела и уголовного преследования; 2) возможное основание для прекращения уголовного дела и уголовного преследования; 3) обстоятельство, смягчающее вину. При этом необходимо отметить, что уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, предусматривая институт примирения, не дает определения этому термину. Традиционно под примирением понимаются оформленные в надлежащей процессуальной форме отказ потерпевшего от своих первоначальных претензий и требований к лицу, совершившему преступление, отказ от просьбы привлечь его к уголовной ответственности или

просьба прекратить уголовное дело, возбужденное по его заявлению [9, с. 159].

Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1. ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков), ч. 1. ст. 116 УК РФ (побои без квалифицирующих признаков), ч. 1 ст. 128.1 УК РФ (клевета без квалифицирующих признаков), считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, особо предусмотренных УПК, и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Примирение допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Таким образом, по делам данной категории примирение сторон является безусловным основанием для прекращения уголовного дела и уголовного преследования.

Уголовные дела частного-публичного обвинения, перечисленные в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым в безусловном порядке не подлежат. Дела данной категории, как и дела публично-го обвинения, могут быть прекращены в связи с примирением сторон на общих основаниях, предусмотренных ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ.

В соответствии со ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, если это лицо впервые совершило преступление, а также примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. Прекращение уголовного дела по данному основанию является правом, а не обязанностью суда или должностного лица, ведущего производство по делу.

Таким образом, прекращение уголовного дела по обоим из вышеуказанных оснований в связи с примирением возможно как на досудебных, так и на судебных стадиях, и требует волеизъявления потерпевшего и согласия обвиняемого. При этом в материалах дела должны быть

отражены факт примирения и факт заглаживания вреда. Отсутствие примирения потерпевшего с виновным препятствует освобождению виновного от уголовной ответственности по данному основанию [8, с. 204–205]. В дополнение к вышеуказанному Верховный Суд разъясняет, что освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим возможно при выполнении двух условий: примирения лица, совершившего преступление, с потерпевшим и заглаживания причиненного ему вреда. При разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности судам следует также учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступления, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Под заглаживанием вреда следует понимать возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего. Способы заглаживания вреда, которые должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц, а также размер его возмещения определяются потерпевшим (пп. 9, 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»).

Согласно позиции Верховного Суда РФ заглаживание вреда при примирении должно включать возмещение ущерба, который может быть возмещен в натуре, в частности предоставление имущества взамен утраченного, ремонт или исправление поврежденного имущества, или в денежной форме, например возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение, а также возможная денежная компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему и иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего.

Полагаем, что моральный вред может быть заглажен не только путем выплаты денежной компенсации, но и путем принесения извинений.

Важным вопросом, который возникает при реализации данной нормы, является вопрос об объеме заглаживания причиненного потерпевшему вреда. Наиболее распространенной является точка зрения, что вред должен быть заглажен в полном объеме. При этом полноту объема определяет сам потерпевший [13, с. 43]. Представляется, что именно вопросы размера и способа возмещения вреда потерпевшему в первую очередь должны быть основой для проведения медиации по уголовным делам в рамках реализации института примирения. Вместе с тем мы полагаем, что это не единственные вопросы, которые могут быть разрешены в процессе медиации в рамках уголовно-правового спора. К числу таких вопросов Е.В. Попаденко, в частности, относит: удовлетворение эмоциональных потребностей потерпевшего, получение ответов на волнующие вопросы, принесение извинений потерпевшему [12, с. 76].

По уголовным делам о тяжких или особо тяжких преступлениях уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможности прекращения уголовного дела и уголовного преследования в связи с примирением обвиняемого (подозреваемого) с потерпевшим. Вместе с тем это не означает, что по делам данных категорий примирение лица, совершившего преступление, с потерпевшим не имеет юридических последствий.

В отличие от законодательства ряда государств, где примирение с потерпевшим, а в некоторых случаях и попытка примириться с потерпевшим и загладить причиненный ему вред, непосредственно указаны как обстоятельства, смягчающие вину, Уголовный кодекс РФ такого положения прямо не содержит. Вместе с тем в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ к обстоятельствам, смягчающим наказание, относится оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему. Представляется, что указанные действия можно расценивать как элементы процесса примирения.

Еще одной предпосылкой совершенствования института примирения в уголовном процессе, а значит, и развития медиации в уголовном судопроизводстве является наличие в законе прямого указания на обязанность участников уголовного судопроизводства, наделенных властными полномочиями, осуществлять деятельность по примирению сторон уголовно-правового конфликта. В действующем УПК РФ закреплена лишь обязанность мирового судьи разъяснить сторонам возможность примирения по уголовным делам частного обвинения как обязательного элемента процедуры судебного разбирательства (ч. 5 ст. 319 УПК).

Для развития механизмов медиации в уголовном судопроизводстве необходимо расширение действия этого правила на должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело — следователя, дознавателя, судьи федерального суда. Они, на наш взгляд, должны принимать меры к обеспечению возможности альтернативного разрешения спора и, по аналогии с вышеуказанной нормой, закрепить в УПК РФ обязанность разъяснить сторонам возможность примирения и применения механизма медиации.

В соответствии со ст. 28 УПК РФ и ч. 1 ст. 75 УК РФ суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе прекратить уголовное преследование в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, если после совершения преступления оно добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным.

В соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ ущерб, предусмотренный данным институтом, представляет собой имущественный вред, который может быть возмещен в натуре или в денежной форме и т.д. Под заглаживанием вреда следует понимать денежную компенсацию морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего (п. 6

постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19).

Безусловно, что вопросы определения способов возмещения вреда, а также перечня мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего, могут носить спорный характер и быть предметом медиации и в том случае, когда потерпевшей стороной выступает не только физическое лицо.

Вопрос о возможности имплементации процедуры медиации по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности при возмещении ущерба, причиненного преступлением, является достаточно спорным. Как нами уже говорилось ранее, внедрение медиации в данный институт возможно лишь частично, со значительными оговорками. Так, по нашему мнению, имплементация процедуры медиации в рамках реализации положений ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ и ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, предусматривающих возможность прекращения уголовного преследования в отношении лица, впервые совершившего преступление, связанного с неуплатой налогов, если ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме, представляется невозможной по следующим причинам:

- формулировка соответствующих положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства не предусматривает альтернативных способов возмещения ущерба, как это предусмотрено в ранее рассматривавшихся институтах, что исключает возможность существования спора о способе возмещения ущерба;
- в данном случае, безусловно, затрагиваются публичные интересы, что исключает возможность проведения медиации.

Ответ на вопрос о возможности внедрения медиации в институт прекращения уголовного преследования, предусмотренного ч. 2 ст. 28.1 УПК РФ и ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, не так однозначен. В этом случае законодатель предусмотрел прекращение уголовного преследования в отношении лица, впервые совершившего одно из преступлений экономической направленности, которое указано в данных статьях, если оно возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в раз-

мере пятикратной суммы причиненного ущерба либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере пятикратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления.

Безусловно, если преступление причиняет ущерб государству, процедура медиации не может быть имплементирована в данный институт по тем же причинам, о которых мы говорили выше. Вместе с тем в последнем случае в законе предусмотрено такое обстоятельство, а именно случай возмещения ущерба гражданам и организациям, которое, как нам кажется, позволяет отнести вопрос о способе возмещения ущерба гражданину или организации к предмету медиации аналогично институту деятельного раскаяния.

Широкие возможности для имплементации процедуры медиации в уголовный процесс предоставляет производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Необходимо отметить, что в ряде зарубежных стран, например Испании, Португалии, внедрение медиации первоначально осуществлялось именно по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, и лишь в последующем она получила более широкое распространение [19, р. 28–51].

Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 была принята Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы. Одной из целей Стратегии является создание дружественного к ребенку правосудия. Под дружественным к ребенку правосудием подразумевается система гражданского, административного и уголовного судопроизводства, гарантирующая уважение прав ребенка и их эффективное обеспечение с учетом принципов, закрепленных в рекомендациях Совета Европы по правосудию в отношении детей, а также с учетом возраста, степени зрелости ребенка и понимания им обстоятельств дела. Среди мер, направленных на создание дружественного к ребенку правосудия, Стратегией, в частности, предусматривается: приоритет восстановительного подхода и мер воспитательного воздействия; развитие сети служб примирения в целях реализации восстановительного правосудия; внедрение технологий восстановительного подхода; реализация примирительных программ и применение механизмов возме-

щения ребенком-правонарушителем ущерба потерпевшему и т.д.

Действующий закон, кроме институтов прекращения уголовного преследования, рассмотренных нами выше, предусматривает институт освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Данный вид освобождения от уголовной ответственности применяется как в отношении несовершеннолетних, так и, в исключительных случаях, в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте от 18 до 20 лет (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»).

В ст. 427 УПК РФ и ст. 90 УК РФ предусмотрено право следователя с согласия руководителя следственного органа, а также дознавателя с согласия прокурора вынести постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, если в ходе предварительного расследования уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что исправление несовершеннолетнего обвиняемого может быть достигнуто без применения наказания. Кроме того, суд, получив уголовное дело с обвинительным заключением или обвинительным актом, также вправе прекратить его по вышеуказанным основаниям и применить к несовершеннолетнему обвиняемому принудительную меру воспитательного воздействия, которая, среди прочего, может выражаться в возложении обязанности загладить причиненный вред.

Считаем, что возложение судом на несовершеннолетнего обязанности загладить причиненный вред в качестве меры воспитательного воздействия открывает дополнительные возможности для применения медиации в уголовном судопроизводстве.

В соответствии со ст. 1074 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут ответственность за причиненный моральный и материальный вред на общих основаниях. В случаях когда у несовершеннолетнего осужденного, не достигшего возраста

18 лет, нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, он должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине. Реализация данного положения означает, что участниками возмещения вреда, а значит и процедуры медиации, кроме самого несовершеннолетнего и потерпевшего, могут стать также законные представители несовершеннолетнего правонарушителя.

Еще одним институтом уголовно-процессуального права, который мог бы стать основой для имплементации процедуры медиации в уголовное судопроизводство России, является институт досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренный гл. 40¹ УПК РФ. Однако в настоящее время это невозможно ввиду того, что предмет досудебного соглашения о сотрудничестве в соответствии со ст. 317.1 УПК РФ не охватывает действия, направленные на примирение с потерпевшим, заглаживание вреда, за исключением помощи в розыске имущества, добытого в результате преступления.

Это означает, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве в том виде, в котором он сегодня представлен в УПК РФ, не может служить основой для внедрения процедуры медиации в уголовное судопроизводство, следовательно, необходимо внести изменения в законодательство.

Вместе с тем в научных дискуссиях высказывается вполне обоснованное предложение о необходимости закрепления обязательства «заглаживания потерпевшему причиненного преступлением вреда» в числе действий, входящих в предмет досудебного соглашения [6, с. 20–21]. По их мнению, включение в содержание соглашения таких действий должно быть поставлено в зависимость от нескольких условий:

- вред, причиненный преступлением (преступлениями), является следствием преступных действий именно того подозреваемого или обвиняемого, с которым заключается досудебное соглашение о сотрудничестве;

- согласие лица, с которым заключается досудебное соглашение о сотрудничестве, возместить причиненный преступлением вред.

Все это в большей степени позволит обеспечить права и законные интересы потерпевшего, хотя вовсе не означает, что потерпевший

становится стороной досудебного соглашения о сотрудничестве. Мы согласны с той точкой зрения, что допускать потерпевшего в процедуру, предусмотренную гл. 40¹ УПК РФ, нельзя по следующим причинам: 1) государство не может поставить в зависимость от потерпевшего (третьего лица) заключение сделки, имеющей предметом право государства на привлечение к уголовной ответственности преступника; 2) раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений, а также других преступлений осуществляется в интересах каждого члена общества, в том числе и потерпевших. Интересы потерпевшего могут быть представлены прокурором и закреплены одним из пунктов соглашения [1, с. 38]. Полагаем данное предложение весьма перспективным, поскольку, не нарушая публично-правовой характер данного института, его реализация будет способствовать обеспечению прав потерпевшего.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, позволим себе концептуально обозначить несколько позиций, нашедших подтверждение в данной работе.

Во-первых, институт медиации является одним из наиболее эффективных способов осуществления восстановительного правосудия, внедрение которого в отдельные положения уголовно-процессуального законодательства представляется обоснованным.

Во-вторых, полагаем, не следует противопоставлять концепцию восстановительного правосудия традиционному уголовному процессу. Как справедливо указывает Л.М. Карнозова, «восстановительное правосудие не представляет собой ни особую юрисдикцию, ни отрасль права,

ни «особое производство». Это направление развития уголовного правосудия» [15, с. 517]. Необходимо имплементировать ее отдельные положения в уголовно-процессуальное законодательство в целях совершенствования отдельных институтов и уголовного судопроизводства в целом.

В-третьих, на основе анализа ряда институтов уголовно-процессуального права считаем нецелесообразным ограничивать внедрение процедуры медиации в уголовный процесс Российской Федерации только институтом примирения виновного с потерпевшим — физическим лицом. В контексте рассмотренной проблемы положительный эффект может дать имплементация механизма медиации и в другие институты уголовно-процессуального и уголовного права Российской Федерации, например: институт прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием; институт смягчения виновному наказания в связи с примирением или деятельным раскаянием; частично в институт прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности при возмещении ущерба, причиненного данным преступлением; а также институты освобождения судом несовершеннолетнего подсудимого от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия и досудебного соглашения о сотрудничестве.

В-четвертых, пределы применения медиации в уголовном судопроизводстве должны быть четко определены на уровне уголовно-процессуального закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г.В. Абшилава. — М., 2012. — 56 с.
2. Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н.Н. Апостолова. — М., 2010. — 62 с.
3. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе / А.А. Арутюнян. — М. : Инфотропик Медиа, 2013. — 200 с.
4. Аширбекова М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия : дис. ... д-ра юрид. наук / М.Т. Аширбекова. — Екатеринбург, 2009. — 478 с.
5. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты / Б.Я. Гаврилов. — М. : Проспект, 2008. — 208 с.
6. Головинин М.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Головинин. — М., 2012. — 24 с.
7. Карнозова Л.М. Место примирения и посредничества в доктрине уголовного правосудия / Л.М. Карнозова // Государство и право. — 2006. — № 10. — С. 113–120.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. — 13-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2013. — 1069 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. — М., 2001. — 896 с.

10. Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Кувалдина. — Самара, 2011. — 272 с.
11. Лунеев В.В. Преступность в России: тенденции, эффективность борьбы, прогноз [Электронный ресурс] / В.В. Лунеев. — М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 2003. — Режим доступа: http://www.igpran.ru/public/publicsite/luneev_prestupnost_in_russia.pdf.
12. Попаденко Е.В. Применение примирительных процедур (медиации) в уголовном судопроизводстве / Е.В. Попаденко. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 144 с.
13. Савченко А.Н. Примирение сторон: пределы толкования закона / А.Н. Савченко // Уголовный процесс. — 2009. — № 8. — С. 43–46.
14. Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук / И.Г. Смирнова. — Томск, 2012. — 517 с.
15. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. — М. : ООО «ТК Велби», 2003. — 720 с.
16. Handbook of restorative justice / ed. by G. Johnstone, D.W. van Ness. — Devon, UK, 2007. — 650 p.
17. Marshall T.F. Restorative justice: an overview. A report by the Home Office Research Development and Statistics Directorate [Electronic resource] / T.F. Marshall. — L., 1999. — 39 p. — Mode of access: <http://homeoffice.gov.uk/rds/pdfs/occ-resjus.pdf>.
18. Ness D.W. van. An overview of restorative justice around the world. For distribution at Workshop 2: Enhancing Criminal Justice Reform, Including Restorative Justice United Nations 11th Congress on Crime Prevention and Criminal Justice Bangkok, Thailand, April 22, 2005 [Electronic resource] / D.W. van Ness. — Mode of access: <http://assets.justice.vic.gov.au/njc/resources/c4518c8a-c200-4623-afd1-42e255b62cf9/01+an+overview+of+restorative+justice.pdf>.
19. Restorative justice: an agenda for Europe. Supporting the implementation of restorative justice in the South of Europe [Electronic resource] / prep. by Clara Casado Coronas and the core group «Going South» // European Forum for Restorative Justice v.z.w. Belgium, 2008. — 182 p. — Mode of access: http://www.euforumrj.org/assets/upload/Going_South_Report.pdf.
20. Zehr H. The little book of Restorative justice [Electronic resource] / H. Zehr, A. Gohar. — USA, 2003. — 89 p. — Mode of access: <http://www.unicef.org/tdad/littlebookrjpakaf.pdf>.

REFERENCES

1. Abshilava G.V. *Soglasitelnye protsedury v уголовном судопроизводстве Rossiiskoi Federatsii*. Avtoref. Dokt. Diss. [Conciliation proceedings in the criminal judicial procedures of the Russian Federation. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2012. 56 p.
2. Apostolova N.N. *Tselesoobraznost' (diskreسیونnost') v rossiiskom уголовном судопроизводстве*. Avtoref. Dokt. Diss. [Advisability (discretionary) in the Russian criminal judicial proceedings. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2010. 62 p.
3. Arutyunyan A.A. *Mediatsiya v уголовном protsesse* [Mediation in the criminal process]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2013. 200 p.
4. Ashirbekova M.T. *Printsip publichnosti уголовного судопроизводства: ponyatie, sodержanie i predely deistviya*. Avtoref. Dokt. Diss. [The principle of publicity of criminal proceedings: the concept, content and scope of action. Doct. Diss. Thesis]. Ekaterinburg, 2009. 478 p.
5. Gavrilov B.Ya. *Sovremennaya уголовная politika Rossii: tsifry i fakty* [Current Russian Criminal policy: facts and numbers.]. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 208 p.
6. Goloviznin M.V. *Osobyi poryadok prinyatiya sudebnogo resheniya pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve*. Avtoref. Kand. Diss. [Special procedure of the court decision with the pre-trial agreement on cooperation. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2012. 24 p.
7. Karnozova L.M. Reconciliation and mediation in the doctrine of criminal justice. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2006, no. 10, pp. 113–120. (In Russian).
8. Lebedev V.M. (ed.). *Kommentarii k Uголовnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. 13th ed. Moscow, Yurait Publ., 2013. 1069 p.
9. Skuratov Yu.I., Lebedev V.M. (eds). *Kommentarii k Uголовnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, 2001. 896 p.
10. Kuvaldina Yu.V. *Predposylki i perspektivy razvitiya kompromissnykh sposobov razresheniya уголовно-pravovykh konfliktov v Rossii*. Kand. Diss. [Background and development perspectives of compromise ways of resolving criminal legal conflicts in Russia. Cand. Diss.]. Samara, 2011. 272 p.
11. Luneev V.V. *Prestupnost' v Rossii: tendentsii, effektivnost' bor'by, prognoz* [Crime in Russia: tendencies, effectiveness of counteraction, prognosis]. Moscow, The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences Publ., 2003. Available at: http://www.igpran.ru/public/publicsite/luneev_prestupnost_in_russia.pdf.
12. Popadenko E.V. *Primenenie primiritel'nykh protsedur (mediatsii) v уголовном судопроизводстве* [The use of conciliation procedures (mediation) in criminal proceedings]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2010. 144 p.
13. Savchenko A.N. Reconciliation of the parties: the limits of law interpretation. *Uголовnyi protsess = The Criminal process*, 2009, no. 8, pp. 43–46. (In Russian).
14. Smirnova I.G. *Sotsial'naya tsennost' rossiiskogo уголовного судопроизводства*. Dokt. Diss. [The social value of the Russian criminal justice. Doct. Diss.]. Tomsk, 2012. 517 p.
15. Petrukhin I.L. (ed.). *Sudebnaya vlast'* [The judicial power]. Moscow, TK Velbi Publ., 2003. 720 p.
16. Johnstone G., Ness D.W. van (eds). *Handbook of restorative justice*. Devon, UK, 2007. 650 p.
17. Marshall T.F. *Restorative justice: an overview. A report by the Home Office Research Development and Statistics Directorate*. London, 1999. 39 p. Available at: <http://homeoffice.gov.uk/rds/pdfs/occ-resjus.pdf>.
18. Ness D.W. van. An overview of restorative justice around the world. For distribution at Workshop 2: Enhancing Criminal Justice Reform, Including Restorative Justice United Nations 11th Congress on Crime Prevention and Criminal Justice Bangkok, Thai-

land, April 22, 2005. Available at: <http://assets.justice.vic.gov.au/njc/resources/c4518c8a-c200-4623-afd1-42e255b62cf9/01+an+overview+of+restorative+justice.pdf>.

19. Restorative justice: an agenda for Europe. Supporting the implementation of restorative justice in the South of Europe. Clara Casado Coronas and the core group «Going South». European Forum for Restorative Justice v.z.w. Belgium, 2008. 182 p. Available at: http://www.euforumrj.org/assets/upload/Going_South_Report.pdf.

20. Zehr H., Gohar A. *The little book of Restorative justice*. USA, 2003. 89 p. Available at: <http://www.unicef.org/tdad/little-bookrjpakaf.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Софийчук Наталья Викторовна — заместитель директора по научной работе Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, г. Вологда, Российская Федерация; e-mail: sofichuk-nataly@mail.ru.

Валеев Артем Тахирович — заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, г. Вологда, Российская Федерация; e-mail: art35404@gmail.com.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Софийчук Н.В. Предпосылки внедрения института медиации в уголовное судопроизводство Российской Федерации (криминологический и процессуальный аспекты) / Н.В. Софийчук, А.Т. Валеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 4. — С. 114–124. — DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).114-124.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sofichuk, Natalia V. — Deputy Director for Scientific Work of The North-West Institute (affiliate) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD in Law, Associate Professor, Vologda, Russian Federation; e-mail: sofichuk-nataly@mail.ru.

Valeev, Artem T. — Head of the Chair of Criminal Procedural Law and Criminalistics of The North-West Institute (affiliate) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD in Law, Associate Professor, Vologda, Russian Federation; e-mail: art35404@gmail.com.

REFERENCE TO ARTICLE

Sofichuk N.V., Valeev A.T. Prerequisites the implementation of the institute of mediation in criminal proceedings of Russian Federation (criminological and procedural aspects). *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 4, pp. 114–124. (In Russian). DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).114-124.